

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

САМОЙЛОВ Николай Анатольевич

РОССИЯ И КИТАЙ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:
ТЕНДЕНЦИИ, ФОРМЫ И СТАДИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Специальность 07.00.03 – всеобщая история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук

Санкт-Петербург

2012

Работа выполнена на кафедре теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор,
академик РАН
ВЛАДИМИР СТЕПАНОВИЧ МЯСНИКОВ
(ИНИОН РАН)

доктор исторических наук, профессор
ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ КЫЧАНОВ
(ИВР РАН)

доктор исторических наук, профессор
БОРИС НИКОЛАЕВИЧ МЕЛЬНИЧЕНКО
(СПБГУ)

ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ: **НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

Защита диссертации состоится «___» _____ 20__ г. в ___:___ часов на заседании Совета Д 212.232.43 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д.11, ауд. 175 Восточного факультета.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9).

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Н.Н.Телицин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования.

Современная историческая наука однозначно признает многоплановость и многоуровневость исторического развития человечества. Исторические явления и процессы могут рассматриваться как на макро-, так и на микроуровнях, с учетом самых различных факторов внутреннего и внешнего характера. Только многогранное и многоаспектное рассмотрение исторических фактов может воссоздать объективную картину истории человечества и обеспечить преемственность в ее понимании.

В последнее время все более очевидным и актуальным становится необходимость формулирования новых теоретических подходов к изучению взаимодействия социумов, обладающих ярко выраженными культурно-историческими особенностями. История отношений между странами и народами не укладывается исключительно в плоскость межгосударственных политико-дипломатических контактов, а содержание этих отношений не ограничивается только лишь войнами, пограничным размежеванием и торговлей. Во взаимоотношениях государств и народов всегда присутствовала социокультурная составляющая, оказывавшая серьезнейшее влияние на процесс взаимодействия и взаимной идентификации, что, в свою очередь, воздействовало на характер межгосударственных отношений. В то же время процессы межгосударственного и социокультурного взаимодействия имели определенную степень независимости и самостоятельности.

Россия и Китай – две крупнейшие мировые державы, оказывающие огромное влияние на развитие всего человечества. Их народы внесли выдающийся вклад во всемирную историю и культуру. В силу указанных причин изучение истории их взаимоотношений всегда было и остается одной из важнейших тем научных исследований.

Россия и Китай, представляя собой различные варианты цивилизационного развития, длительное время взаимодействуют друг с другом в историко-географическом континууме. В особенностях их исторического развития присутствуют как некоторые черты сходства, так и существенные различия. Контактным между ними всегда были присущи черты межкультурного диалога, в сфере которого формировались определенные образы и стереотипы взаимовосприятия, обусловленные факторами как культурно-исторического, так и геополитического характера.

И хотя российско-китайские отношения в XVII – начале XX в. изучены, на первый взгляд, достаточно основательно, однако подавляющее большинство исследований на эту тему посвящено истории межгосударственных отношений и теоретические разработки ведутся именно в этой плоскости. Широкий комплекс социокультурных связей этих двух

стран и народов не получил должного освещения в работах отечественных и зарубежных историков. Отсутствует серьезная теоретико-методологическая проработка данного процесса.

Поэтому можно с уверенностью констатировать, что на сегодняшний день назрела острая и настоятельная необходимость приступить к глубокому анализу процессов социокультурного взаимодействия России и Китая во временном континууме исторического развития данных обществ. Это важно и актуально, прежде всего, в силу постоянного расширения связей России и Китая и углубления их взаимодействия. С теоретико-методологических позиций подобное исследование должно быть полезно в плане научного анализа тенденций взаимодействия социумов, отличающихся по своим культурно-историческим и социально-экономическим характеристикам. Изучение форм, способов и стадий подобного взаимодействия на конкретном историческом материале создаст основу для возникновения в недалеком будущем парадигмы социокультурного взаимодействия, что актуально для современного этапа развития исторической науки в целом.

Цель исследования.

Целью данного диссертационного исследования является разработка принципиально нового подхода к изучению истории отношений России и Китая на основе сформулированной автором концепции социокультурного взаимодействия указанных обществ во временном континууме исторического развития.

Концепция диссертационного исследования.

Концепция исследования заключается в формулировании теоретико-методологических основ изучения процессов социокультурного взаимодействия и проведения при помощи выявленных параметров анализа основных стадий социокультурного взаимодействия России и Китая с определением на каждой из них форм, каналов и аттракторов данного взаимодействия.

Таким образом, в соответствии с избранной автором концепцией диссертационной работы **объектом исследования** становится весь комплекс российско-китайских отношений в XVII – начале XX в., а **предметом исследования** – социокультурная составляющая этих отношений.

Для выполнения основной цели работы автором были определены следующие **исследовательские задачи**:

- На основе анализа существующих подходов к изучению истории отдельных социумов и культур, а также человеческой цивилизации в целом, выявить и сформулировать основные теоретические положения, которые следует использовать при разработке категориального аппарата концепции социокультурного взаимодействия.
- Провести историографический анализ проблемы и установить соотношение предлагаемых основ формулируемой в диссертации

- концепции социокультурного взаимодействия с традиционными подходами и парадигмами истории международных отношений.
- Определить теоретическое содержание и базисные характеристики концепции социокультурного взаимодействия, обозначить перспективы ее научного и практического развития.
  - Обосновать возможность использования имагологического и геокультурного подходов для изучения взаимодействия социокультурных суперсистем в рамках концепции социокультурного взаимодействия в целях их применения к истории российско-китайских отношений
  - Выявить специфику и динамику процесса социокультурного взаимодействия в континууме исторического развития китайского и российского обществ, определить основные тенденции, формы и стадии этого процесса, проанализировать его характерные черты.
  - Представить комплексное изложение и анализ основных событий истории российско-китайских отношений под углом зрения концепции социокультурного взаимодействия.
  - Предложить научно обоснованную периодизацию истории социокультурного взаимодействия России и Китая.

Исторические рамки исследования.

Избранные автором исторические рамки исследования (XVII – начало XX в.) обусловлены тем, что именно на этом, достаточно длительном, хронологическом отрезке четко прослеживается динамика и выявляются важнейшие факторы истории социокультурного взаимодействия России и Китая.

Точкой отсчета выбрана грань между XVII и XVIII веками, поскольку именно к этому времени в Китае и России установилась относительная социально-политическая стабильность и были определены ориентиры социального развития на последующие десятилетия: в Китае после установления контроля над островом Тайвань в 1683 г. Цинская династия объединила под своей властью как прежние владения маньчжурского правящего дома, так и территорию Китая в границах империи Мин, и приступила к расширению своих владений путем внешней экспансии, а в России к началу 1690-х годов власть перешла в руки Петра I и началась качественно новая эпоха социально-политического и социокультурного развития русского общества – период истории Российской империи. К указанным аргументам следует добавить то, что в 1689 г. был заключен российско-китайский Нерчинский договор, который хотя и содержал в своих статьях серьезные территориальные уступки со стороны России, все-таки, и это главное, обеспечил мирное сосуществование двух соседних империй на два последующих столетия, что способствовало их социокультурному взаимодействию.

На протяжении XVIII и XIX вв. Россия и Китай прошли сложный путь, как в своем внутреннем развитии, так и во взаимодействии с внешним миром. Два гетерогенных социума испытали на себе влияние процесса

модернизации, в значительной мере принявшего на их почве характер «межформационного» и «межцивилизационного» синтеза. Безусловно, эти процессы внутреннего и внешнего характера не могли не отразиться и на истории социокультурного взаимодействия двух государств и народов.

Конечным рубежом исследования стало начало XX в., поскольку факторы внутреннего характера и внешнее воздействие привели в этот период указанные социумы к фазе глубокой внутренней трансформации, предопределившей революционный характер последующих социальных сдвигов (Синьхайская революция в Китае и революция 1917 г. в России), что, в свою очередь, обусловило начало качественно нового этапа социально-экономического и социокультурного развития. С этого момента можно говорить и о становлении новой фазы социокультурного взаимодействия.

Вместе с тем, для выявления основных тенденций и форм социокультурного взаимодействия и формулирования научно обоснованной периодизации указанного процесса в рамках исследования потребовалось рассмотреть некоторые ключевые события предшествующего периода, что предопределило необходимость расширения хронологических рамок работы в некоторых из ее разделов.

Теоретико-методологические основы исследования.

Для анализа исторических событий и явлений, выявления их особенностей и формулирования ряда теоретико-методологических положений в диссертации были использованы и применены несколько теоретических методов исследования. С помощью историко-генетического метода осуществлялось раскрытие фактов, выявление их природы, особенностей и свойств, а также взаимодействия процессов и явлений в историческом континууме. Применение историко-системного метода дало возможность обобщить накопленные факты и интерпретировать их с позиций единой системы, внутри которой события и явления могут взаимодействовать. Историко-типологический метод позволил выявлять общее и особенное в истории Китая и России на определенных отрезках исторического времени и в конкретных социально-экономических условиях и осуществлять на этой основе типологизацию и систематизацию материала, что создало условия для применения историко-сравнительного подхода в целях описания исторических явлений и особенностей культуры по сходству или различию выявляемых признаков.

Эмпирическую основу исследования составили источники на русском и китайском языках, относящиеся к рассматриваемому в диссертации историческому периоду и научные исследования по истории российско-китайских отношений, взаимодействию культур и другим вопросам социокультурного характера.

Таким образом, *источниковую базу* данной работы составляют архивные материалы, публикации исторических документов на русском и китайском языках, дневники и воспоминания российских и китайских дипломатов и

путешественников. К источникам по рассматриваемой теме также можно отнести научные публикации, публицистику, мемуары и даже художественные произведения, появившиеся в России и Китае в XVIII – начале XX в., в том случае, если они отражают процессы социокультурного характера. Вследствие широты рассматриваемой проблематики и обширности изучаемого исторического периода российско-китайских отношений, автору в целом ряде случаев приходилось черпать фактический материал из имеющихся на настоящий момент научных исследований, в силу чего приходилось определять степень компетентности и достоверности той или иной публикации. Также автору диссертации пришлось учитывать субъективный характер ряда источников и делать поправки на характер тех обстоятельств, в рамках воздействия которых данный источник мог появиться.

Научная литература, использованная в диссертации также весьма обширна, поскольку призвана отразить все принципиально важные и значимые подходы к рассматриваемой проблематике, присутствующие в современной историографии. Для написания теоретической части исследования было необходимо привлечь не только работы ведущих представителей исторической науки, но и труды социологов, культурологов, специалистов в области международных отношений и даже лингвистов (рассмотрению существующих в науке подходов к рассматриваемой проблематике с теоретико-методологических и историографических позиций посвящена отдельная глава диссертации, в которой подробно изложены и проанализированы основные из имеющихся точек зрения и указаны имена ведущих специалистов в этих областях).

Научная новизна.

Данная диссертация представляет собой первое, как в отечественной, так и в зарубежной науке, исследование истории российско-китайских отношений XVII – начала XX в., осуществленное на основе разработанной самим автором концепции социокультурного взаимодействия, позволяющей выявить сущностные характеристики принципиально важных явлений истории отношений двух стран и понять причины специфичности их взаимодействия. Можно констатировать, что на сегодняшний день не только отсутствуют какие-либо научные исследования по истории социокультурного взаимодействия России и Китая, охватывающие всю историю этого процесса, но также нет ни одной фундаментальной работы, посвященной анализу всего комплекса российско-китайских отношений (политических, экономических, культурных) в исторической ретроспективе.

Теоретическая значимость результатов проведенного исследования состоит в формулировании концепции социокультурного взаимодействия России и Китая и осуществлении на ее основе комплексного и всестороннего исследования российско-китайских отношений в XVII – начале XX века. Основные положения и выводы, присутствующие в диссертации, а также

предложенный автором теоретико-методологический инструментарий позволят на новой основе проводить дальнейшие исследования в сфере изучения контактов между странами и народами во временном континууме исторического развития.

Практическая значимость работы. Материалы исследования, его результаты и выводы, а также понятийный аппарат, сформулированный и примененный в диссертации, могут быть использованы как в работах по исторической проблематике, так и в исследованиях, проводимых представителями других гуманитарных и социальных наук, занимающихся изучением проблем взаимодействия социумов, культур и цивилизаций. Данные, полученные в результате проведенных исследований, могут быть использованы при чтении учебных курсов по истории Китая и России, российско-китайским отношениям, а также в ряде курсов и спецдисциплин востоковедного культурологического, социологического, философского и политологического направлений. Они также могут быть полезными для тех, кто занимается практической деятельностью в сфере российско-китайских отношений.

Апробация результатов исследования.

Результаты исследования были апробированы на многих международных и всероссийских научных конференциях различного уровня, а также в рамках целого ряда научных симпозиумов и семинаров, в том числе: на Международных научных конференциях по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки, проходящих регулярно (раз в два года) на Восточном факультете СПбГУ, на пяти конференциях «Православие на Дальнем Востоке» (1991, 1994, 1997, 2000, 2003), на конференциях Европейской ассоциации китаеведения (2000, 2002, 2012), на 35-м (1997) и 37-м (2004) Международных конгрессах востоковедов, на Международном симпозиуме «Китаеведение в XXI веке» в Пекине (2001), на конференции китаеведов Северных стран (1997, Лахти, Финляндия), на 16-й ежегодной конференции Германской ассоциации китаеведения (Берлин, 2005), на нескольких Международных научных конференциях «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», проводимых в Москве Институтом Дальнего Востока РАН, а также на научных семинарах, проходивших в университетах и научных учреждениях России (СПбГУ, МГУ, АмГУ), Китая (Пекинский университет, Нанькайский университет, Хэйлунцзянский университет), Японии (университет Сэйкэй, университет Хоккайдо, университет Ниигата, Хиросимский университет), США (Гарвардский, Принстонский и Калифорнийский университеты), Германии (Свободный университет Берлина, Тюбингенский и Гейдельбергский университеты), Италии (Туринский университет), Финляндии (университеты Хельсинки, Турку и Оулу), Чехии (Карлов университет в Праге), Швеции (Стокгольмский университет) и др.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 70 научных публикациях автора, в том числе в 12 статьях в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для публикации результатов докторских диссертаций.

Материалы и основные выводы исследования применялись в разработанных автором диссертации и прочитанных для студентов Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета курсах: «Восточная Азия – Россия – Запад: формирование взаимных образов и стереотипов», «Христианство в Восточной Азии» и «Концепции современной исторической науки», а также при чтении лекционных курсов по истории Китая, истории стран Азии и Африки и российско-китайским отношениям на Восточном факультете и Факультете международных отношений СПбГУ.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованных источников и литературы (общий объем 427 стр.).

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обосновывается выбор темы исследования, раскрывается ее актуальность, а также степень разработанности проблемы и научная новизна диссертации. Определяются основы методологии и методики проводимого научного исследования, теоретическая значимость и практическая ценность работы, а также цель, задачи, объект и предмет исследования, говорится об апробации основных положений и выводов диссертации и возможном использовании результатов.

В первой главе «Теоретические основы изучения социокультурного взаимодействия» обосновываются теоретические подходы к изучению рассматриваемой в диссертационном исследовании проблематики и формулируются основные положения разработанной автором диссертации концепции социокультурного взаимодействия в контексте ее использования в исторических исследованиях.

В первом разделе данной главы *«Междисциплинарность как основа современных исторических исследований»* говорится о том, что в последние десятилетия XX в. наметились принципиально новые тенденции в развитии мировой исторической науки, которые теснейшим образом связаны как с переосмыслением традиционных подходов, так и с переходом исторических исследований с макроуровня на микроуровни. Характерными чертами этих существенных перемен становятся «антропологизация» истории и поворот в сторону междисциплинарности. Все большее внимание историки уделяют изучению повседневного взаимодействия социальных групп и социокультурных объединений, а также отдельных индивидуумов, представляющих различные исторические эпохи, этносы и культуры.

Исследователей привлекает изучение традиционного быта, обыденного сознания, моделей поведения человека, психологических установок и стереотипов взаимовосприятия. Все это говорит о более пристальном интересе историков к процессам социокультурного порядка.

Таким образом, «атропологический поворот» в историографии, представляет собой перенесение центра тяжести с исследований истории созданных человеком общественно-политических институтов и их функционирования на изучение непосредственного участия человека в историческом творчестве и его места в пространственно-временном континууме исторического развития.

Расширение сферы исторических исследований, возникающее в условиях антропологизации историографии, а также появление своего рода «дочерних» дисциплин (например, исторической имагологии), безусловно, создает основу для еще более широкого и активного междисциплинарного синтеза. Современная историография интенсивно заимствует и творчески использует приемы и методологию других наук: социологии, филологии, психологии, экономики, математики и т.д., а также достижения в области инновационных технологий.

Междисциплинарные исторические исследования на современном этапе активно входят в число магистральных направлений современной исторической науки, а востоковедно-исторические работы требуют применения новых междисциплинарных методов.

Во втором разделе «Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса» идет речь о тех исследованиях отечественных, китайских и западных авторов по истории российско-китайских отношений, которые в настоящее время могут составить историографическую основу изучения истории взаимосвязей России и Китая в русле парадигмы социокультурного взаимодействия.

Автор диссертации констатирует, что к настоящему времени в отечественном китаеведении имеются фундаментальные научные исследования, которые могут служить методологической базой для конструирования основ концепции истории социокультурного взаимодействия. В первую очередь – это труды академика РАН С.Л.Тихвинского, которому в своих исследованиях удалось осветить практически всю историю Китая, демонстрируя восприятие характерных черт китайской цивилизации как единого целого, и проанализировать цивилизационные основы внутренней жизни Китая и развития общественной мысли в этой стране в Новое время. Им также были исследованы специфические особенности китайской внешней политики в неразрывной связи с ее традиционными истоками и историческими корнями.

Второй методологической составляющей современных отечественных исследований по истории российско-китайских отношений следует признать труды академика РАН В.С.Мясникова, который не только представил подробный научный анализ широкого спектра вопросов, связанных с отдельными этапами истории отношений России и Китая, но и предложил

целый ряд теоретико-методологических подходов для их изучения. Наиболее известной из предложенных им методологических концепций следует признать идею о том, что на внешнюю политику Китая сильнейшее влияние оказывал стратагемный подход. Данная теоретическая разработка академика В.С.Мясникова является на сегодня наиболее известной и активно используемой исследователями методологической формулой. Следует также отметить, что В.С.Мясников в своих исследованиях по сути заложил парадигмальные и методологические основы изучения ряда аспектов истории социокультурного взаимодействия, внося тем самым необходимую конкретно-историческую составляющую в общетеоретические разработки социологов и культурологов.

В исследованиях А.Д.Воскресенского, посвященных истории российско-китайских отношений, была разработана и теоретически обоснована *концепция многофакторного равновесия*, поставленная во главу угла сконструированной им парадигмы. По мнению автора, данная концепция позволяет проводить анализ динамики и преемственности межгосударственных отношений в исторической перспективе. А.Д.Воскресенский сумел переосмыслить многие существенные проблемы различных периодов истории взаимоотношений России и Китая и в результате анализа имеющихся исторических фактов интерпретировал историю их межгосударственных отношений на основе предложенного им нового научного инструментария.

Оригинальную концепцию формирования образа Китая в России и его взаимосвязь с характером российско-китайских отношений предложил в своей монографии «Медведь наблюдает за драконом» А.В.Лукин, уделивший в ней наибольшее внимание советскому и постсоветскому периоду. Изучением истории формирования взаимных образов России и Китая также занимались Е.И.Кычанов и С.Л.Тихвинский.

Анализируя современное состояние изучения духовных, культурных, научных связей России и Китая и достигнутые в этом деле результаты, безусловно, следует отдать должное блестящей работе П.Е.Скачкова «Очерки истории русского китаеведения», впервые в российском и мировом китаеведении раскрывшей всю широту проблем, связанных с взаимодействием России и Китая, и показавшей, какую роль в этих процессах играло отечественное китаеведение.

Важнейшее значение в деле изучения духовных связей России и Китая сыграли конференции «Православие на Дальнем Востоке», проходившие с 1991 года на Восточном факультете СПбГУ по инициативе академика РАН М.Н.Боголюбова, и опубликованные на их основе 4 фундаментальных сборника научных статей. Эти конференции и сборники дали толчок целому направлению в отечественном китаеведении, занимающемуся историей деятельности и трудов Российской Духовной Миссии в Китае.

При разработке избранной диссертантом темы очень полезными оказались работы А.Г.Ларина, Е.И.Нестеровой, А.И.Петрова, Т.Н.Сорокиной, посвященные изучению истории появления и формам деятельности

китайских мигрантов в России, а также отношения к ним российских властей и жителей азиатской части России. Отдельные сюжеты истории экономических, культурных и научных связей России и Китая исследовал А.Н.Хохлов.

Основательное изучение социокультурной специфики развития Китая в историческом континууме начинается в отечественной синологии с появления коллективных работ по этнической истории китайцев. Шесть книг, охватывающих всю этническую историю Китая от глубокой древности до наших дней были написаны М.В.Крюковым, В.В.Малявиным, Л.С.Переломовым, М.В.Софроновым и Н.Н.Чебоксаровым и представляют собой своеобразную энциклопедию жизни китайского социума и развития его культуры на протяжении 5-тысячелетней истории.

Особенности национальной психологии китайцев, что важно при изучении вопросов социокультурного взаимодействия, были подробно описаны в монографии Н.А.Спешнева. Изучению социокультурных характеристик китайского социума и его представителей посвящены исследования В.В.Малявина, А.А.Маслова, К.М.Тертицкого.

Среди трудов западных авторов можно выделить монографии К.Фоуста, С.Мэнколла, Б.Маггс, Д.Тредголда, Т.Скочпол, рассматривающие отдельные аспекты культурных и торговых связей России и Китая, а также содержащие сравнительный анализ ряда особенностей исторического развития этих двух стран.

Среди китайских ученых в последнее время темой российско-китайского взаимодействия в сфере культуры активно занимаются Ли Минбинь, Ли Суйань, Су Фэнлинь, Янь Годун, Ван Цзечжи, Чэнь Цзяньхуа и другие исследователи. Правда, следует отметить, что работы китайских авторов в значительной степени основываются на материалах, введенных в научный оборот российскими историками.

В заключении по данному разделу делается вывод о том, что в изучении различных аспектов российско-китайских отношений и, главное, – в их теоретическом осмыслении абсолютный приоритет принадлежит отечественным ученым.

В 3-м разделе диссертации формулируются теоретико-методологические основы концепции социокультурного взаимодействия, осуществляется критический анализ некоторых существующих подходов, а также вводятся основные определения и формулировки, используемые в дальнейшем тексте работы.

Учитывая накопленный на сегодняшний день теоретико-методологический материал, следует признать, что наиболее продуктивным может оказаться изучение взаимоотношений России и Китая одновременно в русле нескольких парадигм, каждая из которых обладает своим научным инструментарием. Один из таких подходов может быть сформирован на стыке цивилизационной и формационной моделей развития человеческого общества.

Понятие «культура» является в настоящее время, пожалуй, одной из наиболее фундаментальных и часто употребляемых дефиниций современных гуманитарных наук, в том числе и востоковедения. Однако среди востоковедов, философов, антропологов и культурологов самого различного профиля на сегодняшний день отсутствует единое определение этого базисного понятия современного обществознания.

По мнению автора данной диссертации, культура – это формируемое поколениями качественное состояние человеческого общества и социально-исторической среды его обитания, включающей всю совокупность созданных им материальных и духовных ценностей и возникающей в результате творческой активности человека на основе коммуникации между индивидами и эпохами.

Чрезвычайно продуктивным следует признать то, что утверждающееся представление об обществах как социокультурных системах и достаточно широкое толкование понятия «социокультурная суперсистема» создают предпосылки для интегрирования ряда аспектов формационной и цивилизационной парадигм в парадигму развития социокультурных суперсистем и их научного примирения.

В свою очередь, взаимодействие, возникающее между региональными и локальными социумами и культурами, обладающими характеристиками социокультурных суперсистем, являющееся частью общемирового культурного развития и отражающее процессы стадийно-формационного характера, и есть не что иное, как *социокультурное взаимодействие*.

В 4-м разделе «Формы и стадии социокультурного взаимодействия» излагается сформулированная автором диссертации концепция социокультурного взаимодействия и объясняются возможности ее применения к процессам взаимодействия социумов во временном континууме исторического развития. При этом говорится о том, что социокультурное взаимодействие стран и народов не есть постоянная данность даже при наличии их естественного географического соприкосновения. Возникая и развиваясь в историческом континууме это взаимодействие проходит различные стадии, последовательно сменяющие одна другую на каждом конкретном историческом отрезке.

Социокультурное взаимодействие представляет собой процесс, обусловленный конкретными условиями исторического развития, последствиями и потребностями формационных сдвигов внутри социумов, их культурно-историческими характеристиками, а также внешним воздействием, связанным с особенностями всемирно-исторического развития или явлениями регионального порядка. Из всего выше перечисленного вытекает неравномерность возникновения стадий социокультурного взаимодействия и их перехода от одного уровня к другому. Помимо этого, история дает нам также много примеров возможности скачкообразного и даже искусственно программируемого развития указанных процессов.

Поскольку степень активности и заинтересованности сторон в рамках процесса социокультурного взаимодействия не всегда одинакова,

целесообразно выделять стадии социокультурного взаимодействия, характеризующие функционирование каждой из сторон в данном процессе, в рамках которых степень развития и результаты оцениваются с позиций обоих акторов рассматриваемого процесса.

На основе проведенного конкретно-исторического анализа представляется возможным в качестве научной гипотезы предложить следующую универсальную периодизацию истории социокультурного взаимодействия, чтобы на материале российско-китайских отношений и связей проверить ее функционирование на конкретном историческом материале.

На первой стадии социокультурного взаимодействия каждый отдельный социум проявляет минимальный интерес к своему потенциальному контрагенту, либо этот интерес отсутствует вовсе. Такое состояние может длиться достаточно долго, чаще всего до того момента, пока формационные сдвиги или потребности развития культуры не создадут условия для начала движения из указанного состояния в направлении начала сближения. Часто для конкретизации и фокусирования зарождающихся тенденций социокультурного взаимодействия требуется наличие факторов субъективного (культурного, этнического, политического, идеологического или даже личностного) характера. Рассматриваемую стадию можно охарактеризовать как *стадию индифферентного взаимодействия*. На данном этапе могут иметь место эпизодические контакты представителей социумов и культур, но, в целом, данные события не меняют общего характера взаимодействия и контактной среды.

На следующей стадии происходит своеобразный процесс узнавания иной социокультурной системы. Развивающиеся государственно-политические, дипломатические и торгово-экономические связи приводят к активно возникающей потребности лучше узнать и понять партнера, с которым имеешь дело. Чаще всего, на начальном этапе данный процесс узнавания «другого» идет стихийно, без заранее определенных схем и планов, что приводит к неорганизованному и несистематизированному накоплению информации и стихийному проникновению элементов одной социокультурной среды в другую. Постепенно общность, с которой данный социум вступает во взаимодействие, выделяется из общей массы общностей, ей начинают приписываться некие конкретные признаки, свойства и качества, то есть идет процесс идентификации партнера по взаимодействию. Все сказанное позволяет именовать данную стадию социокультурного взаимодействия *стадией идентификации*.

Далее наступает период развития интереса к противоположной стороне, участвующей в рассматриваемом процессе. Накопление сведений и знаний из случайного и эпизодического превращается в целенаправленный, а при определенных условиях и в программируемый процесс. Происходит заимствование определенных культурных пластов, в значительной степени являющееся следствием появления и развития достаточно устойчивых и активных торгово-экономических связей. Социокультурное взаимодействие

охватывает все более широкие сферы культуры и различные стороны быта населения. Безусловно, на этой стадии имеющие место культурные заимствования могут быть достаточно узко локализованы либо географически, либо в пределах определенных социальной среды. Это – *стадия активации*.

Если процесс социокультурного взаимодействия во временном континууме развивается вглубь и вширь, охватывая все новые сферы (следует отметить, что это можно проследить далеко не во всех случаях взаимодействия социумов и культур), тогда наступает стадия заимствования и использования отдельных достижений иной культуры, то есть *адаптивная стадия*.

Наконец, в случае активного взаимопроникновения достижений культуры и каких-либо социальных институтов, мы имеем дело со *стадией социокультурного синтеза*.

Характер социокультурного взаимодействия, присущий тем или иным обществам, также может быть различен, он меняется в зависимости от стадии развития того или иного социума, формационных сдвигов, культурной трансформации и даже от политических или идеологических процессов.

Пассивный характер взаимодействия обычно присущ одной из сторон, участвующих в данном процессе, и определяется серьезными различиями в уровне развития взаимодействующих обществ. В такой ситуации одна культура оказывается донором, а вторая пассивно воспринимает ее достижения и часто ассимилируется. Наиболее яркие примеры в этом отношении дает история Китая, когда культура многих народов, вторгавшихся в Китай и даже завоевывавших его, по сути растворялась в китайской культуре.

Репродуктивный характер взаимодействия также предполагает взаимодействие культуры-донора и культуры-реципиента, однако в данном случае реципиентная культура ведет себя гораздо более активно, интенсивно заимствуя и накапливая новый культурный потенциал, тем самым создавая основу для перехода в новое качество. Россия, будучи на протяжении длительного времени реципиентом по отношению к Византии, сумела перенять и освоить огромный пласт византийской культурной традиции, что позволило ей превратиться в самостоятельное в социоэкономическом и социокультурном отношении общество. Русская культура сама постепенно приобретала характер культуры-донора в отношении ряда народов, входивших в орбиту ее активности. Подобный, репродуктивный, характер социокультурного взаимодействия имел место и в истории взаимодействия Японии и Китая, когда на протяжении длительного периода времени Япония активно заимствовала и адаптировала многие компоненты китайской культуры. На рубеже XIX и XX вв. Япония смогла изменить характер взаимодействия и сама стала претендовать на роль донора в отношении других народов Азии (как в культурном, так и в политико-идеологическом плане).

Процесс социокультурного взаимодействия асинхронен в пространственно-временном континууме (как локально-географически, так и в своем историческом развитии). На земном шаре даже в одних и тех же временных рамках могут развиваться процессы, носящие различный характер и предполагающие наличие самых разных форм и стадий.

В современном мире в условиях разворачивающейся глобализации процессы социокультурного взаимодействия приобретают совершенно новый характер и содержание. Сегодня человечество вступает в эпоху глобального социокультурного взаимодействия.

2-я глава «Российско-китайские отношения в XVII – начале XX века : феноменология взаимодействия и идентификации» посвящена сравнительному анализу отдельных сторон социокультурного развития российского и китайского социумов и рассмотрению основных событий российско-китайских отношений от момента их зарождения до 1917 г. под углом зрения концепции социокультурного взаимодействия.

В первом разделе рассматриваются особенности взаимодействия России и Китая в историко-пространственном континууме на протяжении всей истории их взаимоотношений. Россия и Китай, представляя собой два разных варианта и направления цивилизационного развития, на протяжении длительного периода времени взаимодействовали между собой в историко-географическом континууме. В их историческом развитии можно обнаружить заметные черты сходства, вместе с тем присутствуют и серьезные различия.

В 2-м и 3-м разделах «Социокультурные характеристики» и «Россия и Китай: геокультурное пространство и геокультурные образы» речь идет о соединении в рамках единой теоретико-методологической концепции теории социокультурного взаимодействия и теории геокультурного пространства, а также их применения для выявления социокультурных характеристик и геокультурных образов России и Китая.

Любая пролонгированная во времени и пространстве культура формирует достаточно устойчивое геокультурное поле, охватывающее определенное географическое пространство.

В случае эффективного социокультурного взаимодействия возникающую в ходе указанного процесса зону перекрывания фазовых пространств, очерченных в данном случае как культурно-историческими, так и географическими рамками, можно именовать «геокультурным пространством», каждая точка которого, неся в себе информацию о прежних системах, будет в то же время обладать новыми качествами и характеристиками. Таким образом, в условиях социокультурного взаимодействия двух государств (при рассмотрении проблемы в иной плоскости – двух культур), представляющих собой ни что иное, как две динамические системы, свойства которых обусловлены факторами внутреннего социокультурного развития, в геокультурном пространстве,

каковым, может являться область взаимодействия двух фазовых пространств, в каждый фиксированный исторический отрезок возможно наблюдать процесс эволюции системы.

Соприкосновение геополитических и геокультурных пространств России и Китая произошло в XVII в. и активно продолжалось в XVIII - XX вв. В данных разделах, помимо рассмотрения теоретических подходов к проблеме, внимание сосредоточено на ряде характеристик основных историко-культурных доминант, лежавших в основе геокультурных образов России и Китая на определенных этапах их исторического развития.

Высшим геокультурным образом Китая, начиная с глубокой древности, было понятие «*тянься*» («Поднебесная»), ассоциировавшееся одновременно и с Китаем, и со всем миром. Будучи «Сыном Неба» китайский император априори становился правителем Поднебесной, то есть всего мира, где «Срединное государство» (в равной степени геополитический и геокультурный образ) выступало в роли «цивилизующего» начала.

В основе многовековой культурно-исторической традиции Китая лежало конфуцианское учение, оказывавшее воздействие на внутрисполитическое развитие страны и ее внешнеполитическую доктрину и, что особенно существенно, ставшее структурообразующим фактором всей *синосферы* (геокультурного пространства Китая). *Синосфера* (*sinosphere*), или «китайский мир», включает в себя совокупность стран Восточной и Юго-Восточной Азии, чья культурная традиция сформировалась под сильным влиянием Китая.

Закрепив еще в древности в сознании китайцев представление о своей стране как о культурном и политическом центре Поднебесной, конфуцианство, несмотря на постоянную эволюцию, продолжало культивировать мессианские идеи в качестве основы восприятия отношений с окружающим миром. В средневековом Китае сформировалась иерархическая модель отношений с другими государствами и народами, по сути своей сводившаяся к вертикальной связи «сюзерен – вассал».

В русской средневековой геокультурной традиции (и в этом проявляется ее сходство с традициями Китая) отчетливо присутствуют универсалистские мотивы. Отождествлению православной Руси с Вселенной или, по крайней мере, со значительной ее частью, способствовал и служил литературный жанр «Хождений» в Святую землю и Царьград (Константинополь), воспринимавшиеся православными как два центра мира и мировой истории. Духовное приобщение русских к этим центрам и включение их, наряду с самой Русью, в осознаваемую часть Вселенной рассматривалось русской средневековой мыслью как приобщение к мировому единству. Отсюда проистекало стремление представить себя если не центром Ойкумены, то, во всяком случае - центром значительной общности народов («православного мира», «славянского мира» и т.д.). В процессе объективизации противостояния Западу возникла активная мифологизация многих явлений общественной жизни, как России, так и зарубежных стран, а также взаимоотношений России с другими странами и

народами. В свою очередь, укрепление в официальной идеологии и распространение в массовом народном сознании концепции «Москва – Третий Рим» способствовали утверждению представлений о мессианских функциях Русского государства по отношению как к Западу, так и к Востоку.

В 4-м разделе речь идет о первых контактах русских с Китаем и начальной фазе перехода от стадии индифферентного взаимодействия к стадии активации.

В 5-м разделе «Русское государство и империя Цин во второй половине XVII в.: дипломатические контакты и особенности взаимовосприятия» излагаются основные события, относящиеся к данному периоду российско-китайских отношений и делается вывод о том, что сложившиеся в XVII в. взаимоотношения между Россией и Китаем носили характер соприкосновения двух различных культур, приобретавшего весьма своеобразные формы в силу принципиально разного подхода к оценкам содержания данных отношений. Специфическое восприятие отношений с другими странами и народами, заимствованное маньчжурской династией Цин из многовековой китайской традиции, накладывало отпечаток на все виды контактов между двумя государствами. Вместе с тем в России шел процесс накопления знаний о Китае и наметился достаточно прагматичный подход к контактам с дальневосточным соседом.

В 6-м разделе «Россия и Китай в XVIII – первой половине XIX в.: двусторонние связи и расширение взаимных представлений» в центре внимания оказывается содержание Кяхтинского договора 1727 г. Подробно рассматривается его роль в развитии российско-китайских торговых, культурных и научных связей. Делается вывод о том, что благодаря ключевым положениям этого договора процесс социокультурного взаимодействия России и Китая в XVIII в. приобрел новый импульс.

Первая половина XIX в. оказалась для России не столько важным периодом в развитии межгосударственных отношений с империей Цин, сколько временем интеллектуального осмысления характера этих взаимоотношений и места Китая в мире. К Китаю обратили свои взоры деятели русской науки и культуры. Истоки подобного внимания восходят еще к М.В.Ломоносову, который в XVIII в. проявлял большой интерес к великой азиатской державе и ее народу.

В это же время пробуждается интерес к России в Цинской империи. В Пекине действовала Школа русского языка при Государственной канцелярии. В середине XIX в. появляются сочинения Линь Цзэсюя и Сюй Цзиюя, в которых сведения о России в значительной мере черпались из западных источников

В 7-м разделе «Россия и Китай во второй половине XIX - начале XX в.: политико-дипломатическое и социокультурное взаимодействие» рассматриваются принципиально новые процессы, обозначившиеся во всех сферах взаимоотношений России и империи Цин. Это был период перехода от сложившейся на основании положений Кяхтинского договора системы двусторонних связей к новым фундаментальным принципам международных

отношений того времени. Начало этому процессу было положено подписанием Айгуньского, Тяньцзиньского и Пекинского русско-китайских договоров. Цинский Китай все активнее входил в новую систему международных связей, и роль социокультурных факторов в межгосударственных отношениях постепенно отходила на второй план. При этом социокультурное взаимодействие активно охватывало другие сферы контактов России и Китая.

Глава 3-я «Россия и Китай в XVII – начале XX в.: коммуникационные каналы, контактные зоны и аттракторы социокультурного взаимодействия», посвященная рассмотрению конкретных проявлений социокультурного взаимодействия в истории российско-китайских отношений, направлена на выявление характерных особенностей данного взаимодействия и носит проблемный характер. Каждая тема приобретает форму законченного исследования, и все они связаны между собой идеей выявления закономерностей формирования и функционирования коммуникационных каналов, контактных зон и аттракторов социокультурного взаимодействия.

В 1-м разделе «Торгово-экономические связи как фактор социокультурного взаимодействия России и Китая» говорится о том, что активно развивавшиеся в XVIII – XIX вв. торгово-экономические связи Китая и России стали одной из форм и важнейшим коммуникационным каналом социокультурного взаимодействия. Благодаря постоянно развивавшейся российско-китайской торговле многие китайские товары стали очень популярны в России, а российские появились на территории Китая, стимулируя внутренние процессы социокультурного характера. Особое место в данном разделе уделено торговле чаем и превращению этого продукта из важнейшей статьи русско-китайской торговли в социокультурный аспект повседневной жизни России.

2-й раздел «Российская Духовная Миссия в Пекине и ее роль в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая» посвящен деятельности Пекинской Духовной Миссии на протяжении длительного исторического периода. В разделе говорится о том, что Миссия вошла в историю не только как центр Православной проповеди, но и как важный фактор взаимодействия двух стран и двух культур. После подписания Кяхтинского договора к Миссии прикомандировывались ученики, которые изучали китайский и маньчжурский языки, они же преподавали в Пекинской школе русского языка. Из числа этих учеников вышли первые российские китаеведы, знакомившие общественность нашей страны с жизнью цинского Китая. В XIX в. при Миссии начали работать русские врачи и художники, которые активно способствовали процессу российско-китайского взаимодействия в сфере науки и искусства и, как пишут современные китайские историки, развитию российско-китайских отношений в «духе народной дипломатии».

В 3-м разделе «Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII – XIX вв.» речь идет о том, что в условиях социокультурного взаимодействия двух государств, представляющих собой ни что иное, как две динамические системы, свойства которых обусловлены факторами внутреннего социокультурного развития, в геокультурном пространстве, каковым, как было сказано ранее, является область взаимодействия двух фазовых пространств, в каждый фиксированный во времени отрезок истории можно наблюдать процесс эволюции системы. Другими словами, любые элементы и формы взаимодействия социумов или культур с одной стороны обусловлены множеством факторов внутреннего развития каждой системы в отдельности, а с другой стороны, сами являясь характеристиками возможных состояний своей системы, они в разной степени оказывают воздействие на вновь возникшую динамическую систему («геокультурное поле»). В рамках вновь формирующегося поля взаимодействия двух геокультурных пространств возникают точки, которые можно обозначить как аттракторы социокультурного взаимодействия.

В XVIII – XIX вв. русская торговая слобода Кяхта и расположенный на другой стороне границы китайский торговый городок Маймайчэн становятся тем аттрактором, где фокусируются не только торговые интересы, но и социокультурные взаимовлияния двух соседних империй. В данном геокультурном поле появляется и специфический феномен социокультурного взаимодействия: «кяхтинский язык» - особый язык общения, или, как его называют современные исследователи, русско-китайский пиджин.

В 4-м разделе «Фронтир: пространство социокультурного взаимодействия» говорится о том, что фронтир можно рассматривать не только как геополитическое пространство, но и как специфическую пограничную зону между двумя различными социокультурными системами, абсорбирующую в себе все существенные компоненты каждой из них и в то же время отличающуюся от каждой из них по ряду параметров. Одной из важнейших особенностей фронтаира является своеобразная общность экономической жизни данного региона по обе стороны границы и, что очень существенно – полифоничность культуры. Очень часто население фронтаира оказывается в экономическом и даже культурном отношении более привязанным к соседней стране, нежели к собственному политико-административному и социокультурному «центру».

В заключении данного раздела делается вывод о том, что российско-китайский фронтир с момента его возникновения представлял собой пространство активного социокультурного взаимодействия и выступал в роли контактной зоны, в рамках которой в различных сферах культурной и социальной жизни взаимодействовали представители двух народов

В 5-м разделе говорится о российско-китайском взаимодействии в сфере искусства и появлении в России стиля «шинуазри», при этом подчеркивается, что на его русскую версию серьезное влияние оказало не только западноевропейское искусство, как это обычно принято считать, но и

непосредственные контакты с Китаем. Именно развитие русско-китайской торговли и наполнение российского рынка китайскими товарами стимулировали зарождение и рост интереса к китайскому искусству, что, в свою очередь, органично переплелось с эстетическими представлениями, формировавшимися в России XVIII века под воздействием идей, приходивших из Западной Европы.

6-й раздел «Визиты китайских дипломатов и первые китайские студенты в России во второй половине XIX в.: коммуникационный канал социокультурного взаимодействия» посвящен выявлению особой роли посещений России китайскими дипломатами и первыми китайскими учащимися. В ходе визитов отчетливо проявлялись социокультурные различия представителей России и Китая как носителей принципиально различных культурных традиций. В этой ситуации можно с уверенностью говорить о том, что подобные миссии объективно выполняли роль своеобразных посредников между разными культурами, становясь трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия. Безусловно, данные процессы происходили как во взаимоотношениях Китая с Россией, так и при их контактах с другими европейскими странами.

Изучение соответствующего исторического материала дает нам возможность определить коммуникационный код как совокупность тех элементов кода культуры, которые передаются (или готовы для передачи) в процессе социокультурного взаимодействия. Большая роль в данном процессе принадлежит трансляторам коммуникационного кода, которые являясь носителями данной культуры или ее интерпретаторами, определяют ее восприятие и способствуют лучшему пониманию ее компонентов.

В XVIII в. коммуникационным каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия, безусловно, являлась торговля, способствовавшая распространению в обеих странах элементов материальной и духовной культуры Китая и России, а своеобразным аттрактором, в котором происходил процесс формирования коммуникационного кода того времени, следует признать Кяхту, где на протяжении десятилетий фокусировался основной процесс социокультурного взаимодействия двух стран. Для Западной Европы, и в первую очередь для Британии, аналогичным аттрактором являлся в то время порт Гуанчжоу (Кантон), а коммуникационным каналом – кантонская система торговли. Важную роль в формировании и трансляции коммуникационного кода играли в указанный период миссионеры: Российская Духовная Миссия в Пекине и представители ордена иезуитов, сыгравшие огромную роль в распространении знаний о Цинской империи и в формировании образа Китая в Западной Европе и России.

С третьей четверти XIX в., правда на непродолжительный период времени, функцию трансляторов коммуникационного кода стали объективно выполнять китайские посольства на Запад, в том числе в Россию, а аттрактор коммуникационного кода социокультурного взаимодействия России и стран

Восточной Азии переместился в столицу Российской империи – Санкт-Петербург.

В 7-м разделе «Иностранцы на российской службе и их роль в социокультурном взаимодействии России и Китая» речь идет о том, что изучение истории российско-китайских отношений свидетельствует о том, что особым фактором на первоначальных стадиях процесса социокультурного взаимодействия оказывались находившиеся на российской службе иностранцы - носители западной социокультурной традиции. Заслуги таких высококвалифицированных дипломатов, как Николай Спафарий, Избрант Идес, Лоренц Ланг, Савва Владиславич-Рагузинский, сыгравших ключевую роль в деле становления отношений России с Китаем, невозможно недооценивать. Однако следует признать, что те иностранцы, которые были вовлечены в процесс социокультурного взаимодействия России и Китая в XVII - XVIII вв., действовали все же в рамках геокультурного поля России, играя роль не только интерпретаторов российской культуры, но и становясь ее непосредственными трансляторами в геокультурное пространство Китая, чем активно способствовали процессу формирования нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух империй, двух социумов и двух культур.

Роль европейцев в процессе социокультурного взаимодействия России и Китая проявлялась и опосредованно. Находившаяся в процессе своего становления Санкт-Петербургская Академия Наук в XVIII в. в целях получения новых научных знаний вступила в продолжавшуюся около 50 лет переписку с находившимися в Пекине иезуитами. Естественно, что из Пекина от иезуитов приходили не только данные о естественных науках, но и сведения о Китае, преломленные сквозь призму их восприятия. Научные круги России, так же, как и представители западной науки, оказались в большой зависимости от миссионерского взгляда на Китай. Но специфика России и ее отличие от Западной Европы состояли в том, что Россия могла полагаться на описания и дневники российских представителей, в большом количестве посещавших Китай в указанное время и на труды сотрудников Российской Духовной Миссии в Пекине.

Глава 4-я «Основные тенденции, формы и характерные особенности взаимодействия России и Китая в XIX – начале XX века» посвящена конкретным тенденциям и формам российско-китайского социокультурного взаимодействия, наиболее рельефно проявившимся в XIX – начале XX в.

В 1-м разделе данной главы рассматривается становление образа Китая в России. Следует отметить, что автор диссертации первым в отечественной историографии поставил эту проблему и осуществил соответствующие исследования имагологического характера.

При комплексном изучении взаимоотношений между государствами и народами, помимо факторов дипломатического, экономического, политического, культурного характера, всегда следует принимать во

внимание наличие постоянно присутствующего образа (имиджа) того или иного народа (страны, региона) в общественной мысли и обыденном сознании других народов. Наличие образа «другого» влияет не только на отношения между отдельными людьми, но и на политику государств. Процессы формирования образов и стереотипов являются неотъемлемой составной частью общего процесса социокультурного взаимодействия социумов и культур.

Во 2-й половине XIX – начале XX в. Китай стал важным фактором во внешней политике России. Расширение контактов между двумя странами, появление большого количества китайцев сначала на Дальнем Востоке и в Сибири, а затем и по всей России, рост числа русских, работавших и проживавших в Китае, – все это способствовало тому, что формирование образа Китая вышло за рамки элитарной общественной мысли, становясь достоянием массового сознания. На это влияли как непосредственные контакты русских с китайцами, так и рост числа российских публикаций об этой стране. При этом пресса и разного рода «популярная» литература культивировали у читателя весьма далекие от реальности представления о Китае, становившиеся почвой для складывания негативных стереотипов и предубеждений.

В общественно-политической мысли России в то время сформировались два по сути противоположных образа Китая: 1. Китай – дружественная страна и потенциальный союзник; китайский народ миролюбив и дружелюбен, 2. Китай – источник неизбежной экспансии, главная сила «желтой опасности»; китайцы враждебно настроены к христианскому миру и способны уничтожить его.

Особое место в данном разделе уделено рассмотрению вопроса о том, какое место занимал Китай в процессе формирования в России народной легенды-утопии о Беловодском царстве, а также изложению исторических фактов, свидетельствующих о попытках поиска русскими старообрядцами «реального» Беловодья в Восточной Азии, в том числе и на территории Китая.

В то же время процесс трансформации образа России в Китае шел значительно медленнее. Определенные изменения были связаны с частичным отказом некоторых европейски образованных китайцев от традиционных представлений о других народах как о «варварах».

В целом, взаимные образы России и Китая на рубеже XIX и XX вв. характеризуются амбивалентностью взаимовосприятия, что с обеих сторон было обусловлено следующими факторами: а) соединением традиционных стереотипов с восприятием реальной действительности; б) расширением спектра социальных слоев и групп, в среде которых формировались взаимные представления и стереотипы; в) влиянием конкретных внешнеполитических и военно-стратегических оценок и выводов на формирование взаимных образов.

2-й раздел «Русские в Китае: проблемы социокультурной адаптации» посвящен вопросам, связанным с появлением в Китае русских

переселенцев и возникновением на территории этой страны городов нового типа (Харбин, Порт-Артур, Дальний), имевших существенный процент русского населения и в силу данного обстоятельства превратившихся в коммуникационные каналы и аттракторы социокультурного взаимодействия. Отмечается, что процесс адаптации русских в китайской социокультурной среде происходил медленно и во многих случаях вызывал серьезные проблемы. В то же время искусственное перенесение на китайскую почву элементов российской культуры и общественной организации не всегда адекватно воспринималось китайским населением.

В 3-м разделе «Проникновение русской культуры в Китай и ее роль в процессах взаимоидентификации и социокультурного взаимодействия» описываются особенности проникновения русской культуры в Цинскую империю и ее роль в процессах взаимоидентификации и российско-китайского социокультурного взаимодействия. Излагаются представления о России таких видных китайских мыслителей, как Хун Жэньгань, Ван Тао, Кан Ювэй, Янь Фу. Говорится о первых переводах русской классической литературы на китайский язык. Выбор этих произведений для самых ранних переводов нельзя считать случайным. Например, в 1903 г. Цзи Ихуэй перевел с японского повесть А.С.Пушкина «Капитанская дочка», поскольку поведение героев пушкинской повести вполне соответствовало конфуцианским представлениям о долге и нормах поведения, о взаимоотношениях между старшими и младшими, между государем и подданными.

Особое место уделяется вопросам адаптации на китайской почве и в китайской общественно-политической мысли идей, пришедших из России в период русской революции 1905-1907 гг. и отражавших специфику российской политической культуры того времени.

Благодаря распространению в Китае русской литературы и появлению на территории Китая носителей русской культуры к началу XX в. постепенно уменьшается дисбаланс в сфере российско-китайского социокультурного взаимодействия, характерный для предшествующих столетий, когда интерес к Китаю в России был существенно больше интереса к России в Китае.

В 4-м разделе «Личность и реформы: социокультурное восприятие социальных перемен (Чжан Чжидун в оценках русских авторов конца XIX – начала XX в.)» предлагается еще один ракурс исследуемой в диссертации проблематики: рассмотрение социокультурного взаимодействия сквозь призму идейных исканий. При рассмотрении данной темы можно отчетливо увидеть сходство проблем, стоявших перед Китаем и Россией на рубеже XIX и XX вв. Обе страны нуждались в глубочайших преобразованиях. Открыто вставал вопрос: какой путь (революционный или реформаторский) более подходит в тех условиях для двух государств. В то время российские китаеведы и публицисты либерального толка в большей степени отдавали предпочтение пути реформ, что и побудило их обратить столь пристальное внимание на идеи представителей реформаторского направления в Китае, и в особенности, на планы преобразований одного из крупнейших китайских

политических деятелей – Чжан Чжидуна, деятельность которого в российских публикациях была оценена очень высоко. Сходные проблемы были чрезвычайно актуальными и для России того времени: страна нуждалась в крупномасштабных социально-политических реформах. Однако история распорядилась по-своему: Россия и Китай, войдя в XX век, вступили на путь революций.

В Заключении подводятся итоги исследования и делается вывод об асинхронности процесса российско-китайского социокультурного взаимодействия. Там же предлагается периодизация основных стадий социокультурного взаимодействия России и Китая:

В истории российско-китайского социокультурного взаимодействия *стадия индифферентного взаимодействия*, по мнению автора, приходится на период, предшествующий XVII веку. В то время контакты между русскими и китайцами носили лишь эпизодический характер, отсутствовали устойчивые коммуникационные каналы. Не было социальных, политических, культурных или хотя бы торговых стимулов для развития подобных связей.

Стадия идентификации хорошо прослеживается на протяжении всего XVII века. Первые русские посольства в Китай, начиная с миссии Ивана Петлина в 1618 г., продемонстрировали глубокие социокультурные различия двух народов. В этой ситуации можно с уверенностью говорить о том, что подобные миссии объективно исполняли роль своеобразных посредников между двумя принципиально разными социокультурными суперсистемами. Становясь первыми трансляторами коммуникационного кода социокультурного взаимодействия двух цивилизаций.

Стадия идентификации завершается в начале XVIII века. Ключевым пунктом в процессе перехода к *стадии активации*, безусловно, стал Кяхтинский договор, предопределивший характер социокультурного взаимодействия на длительное время. В XVIII в., благодаря договору, заключенному в Кяхте, огромное значение которого в настоящее время признается российскими, китайскими и многими западными историками, коммуникационным каналом российско-китайского социокультурного взаимодействия, безусловно, становится торговля, способствовавшая распространению в обеих странах элементов материальной и духовной культуры Китая и России, а своеобразным аттрактором, в котором происходил процесс формирования коммуникационного кода того времени, следует признать Кяхту, где на протяжении десятилетий фокусировался основной процесс социокультурного взаимодействия двух стран.

На *стадии активации* формируется особое геокультурное пространство, аттрактором которого стали пограничные торговые города: российская Кяхта и китайский Маймайчэн. Здесь, как указывалось в соответствующем разделе данного исследования, формируется принципиально новое поле взаимодействия, а ввиду необходимости межкультурной коммуникации появляется особый язык общения (кяхтинский пиджин, или «маймачинское наречие»). Понятие «кяхтинский»

применительно не только к чаю, но и к особому языку становится общеупотребимым присутствует даже в знаменитом «Толковом словаре живого великоросского языка» В.И.Даля. Именно в регионе Кяхта – Маймайчэн можно отчетливо проследить тенденцию к взаимопроникновению двух геокультурных пространств.

Основным товаром, ввозившимся русскими в Китай в этот период, была традиционная для российского экспорта того времени «мягкая рухлядь» (пушнина), что оказывало воздействие на восприятие в Китае России как страны лесов и холода.

В свою очередь, поощрение российским правительством ввоза китайских тканей вызывало в России процессы социокультурного порядка. Во-первых, это повлекло за собой появление моды, а потом и привычки носить одежду из китайского шелка. Вслед за тем шелк стал использоваться не только в среде российской знати, но и купечества, а в Сибири – и зажиточного крестьянства. Во-вторых, под влиянием спроса на шелковые ткани в России стало быстро развиваться собственное шелковое производство.

Еще большее распространение в социокультурном пространстве России получил китайский чай.

В то же время распространение китайских товаров и произведений китайского прикладного искусства в России и деятельность Российской Духовной Миссии в Китае также способствовали началу взаимопроникновения двух культур. Важную роль в формировании и трансляции коммуникационного кода играли в указанный период православные миссионеры, внесшие огромный вклад в распространение знаний о Цинской империи и формирование образа Китая в России.

Первая половина XIX в. также может быть выделена в отдельный период, во всяком случае, для России. В нашей стране это было время активного осмысления китайских социокультурных реалий. Большую роль в данном процессе сыграли ученые-китаеведы, в первую очередь те, кто трудился в составе Российских Духовных Миссий в Китае. Они выступили в роли интерпретаторов китайской культуры и ее своеобразных трансляторов, способствуя формированию на российской почве принципиально нового коммуникационного кода социокультурного взаимодействия. Общение отца Иакинфа (Бичурина) с выдающимися деятелями российской культуры способствовало созданию позитивного образа Китая в сознании интеллектуальной элиты российского общества. Китайская тема становится неотъемлемой частью политических дискуссий и философских диспутов.

Вторая половина XIX в. является временем усиления адаптивных функций и перехода социокультурного взаимодействия России и Китая из *стадии активации* в *стадию адаптации*. Помимо уже сложившихся коммуникационных каналов появились новые. Все больше русских стало появляться в Китае, а в Россию устремился поток китайских эмигрантов – носителей культуры государства-соседа. В роли аттрактора начинает выступать обширная приграничная зона – своеобразный социокультурный

фронтир. Так например, активную роль в этом процессе играл сформировавшийся в то время «маньчжурский клин» на территории российского Приамурья, а также недолго просуществовавшая «Желтугинская республика».

Начало XX в. стало временем, когда четко обозначилась тенденция активного социокультурного проникновения России в Китай. Аттрактором, в зоне которого шел процесс формирования коммуникационного кода в данный период, и в то же время основой нового геокультурного пространства становятся Китайско-Восточная железная дорога и основанный в 1898 г. с целью ее дальнейшего развития город - Харбин, ставший местом сосредоточения большого числа выходцев из России, выступавших в роли трансляторов русской культуры. Аналогичную функцию расширения геополитического и геокультурного пространства России были призваны выполнить города-порты Порт-Артур и Дальний, для которых тщательно разрабатывались особые правила управления и застройки по русским образцам. Однако поражение России в русско-японской войне 1904-1905 гг. помешало этому.

Предлагаемая в диссертации периодизация, по мнению автора, дает возможность обозначить принципиально значимые стадии и этапы социокультурного взаимодействия России и Китая на протяжении его истории вплоть до второго десятилетия XX в. В 1911-1913 гг. произошла Синьхайская революция, которая положила конец многотысячелетнему существованию монархии в Китае, а через несколько лет, в 1917 г., прекратила свое существование Российская империя: начались принципиально новые процессы в развитии обеих стран. Все это, безусловно, наложило отпечаток на характер и темпы социокультурного взаимодействия в новых исторических условиях.

Основное содержание работы отражено в следующих публикациях:

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях.

1. Самойлов Н.А. Китай, Россия и Япония 2-й половины XIX – нач. XX вв. в свете исторической компаративистики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языковедение, литературоведение. 1994. Вып.4 (№23). С.97-100.
2. Самойлов Н.А. Азия (конец XIX – начало XX века) глазами русских военных исследователей (по материалам Л.Г.Корнилова, А.И.Деникина, П.Н.Краснова) // Страны и народы Востока. Вып.28. СПб., 1994. С.292-324.
3. Самойлов Н.А. Изучение истории социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные подходы и новые парадигмы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2006. Вып.4. С.114-121.

4. Самойлов Н.А. Роль цинских дипломатов в политическом и культурном взаимодействии Китая с Европой и Россией (2-я половина XIX века). // Вестник Новосибирского государственного университета. 2008. Т.7, вып.4: Востоковедение. С.32-37.
5. Самойлов Н.А. Российские планы организации управления городом Дальний на рубеже XIX и XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2008. Вып. 4. Ч. 1. С.144-150.
6. Самойлов Н.А. Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2008. Вып. 4. Ч.1. С.135-142.
7. Самойлов Н.А. Малоизвестные страницы российско-китайских отношений. Визит посольства Цинской империи в Санкт-Петербург в 1870 г. // Проблемы Дальнего Востока. 2009. №1. С.116-121.
8. Самойлов Н.А. Периодизация истории социокультурного взаимодействия России и Китая до 1917 г.: методологические подходы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 1. Ч.2. С.209-214.
9. Самойлов Н.А. Визиты китайских и японских дипломатических миссий в Россию в третьей четверти XIX века: Коммуникационный код социокультурного взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. 2009. Вып. 1. С.3-12.
10. Самойлов Н.А. Подходы к изучению геокультурных пространств России и Китая и их взаимодействия в XVIII - начале XX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. 2009. Вып. 3. С.61-75.
11. Самойлов Н.А. Кяхта и Маймайчэн: геокультурное пространство взаимодействия России и Китая в XVIII –XIX вв. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2009. Вып. 4. С. 190-197.
12. Самойлов Н.А. Россия и Китай в XVIII – начале XX в.: тенденции взаимодействия и взаимовлияния // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение, африканистика. 2010. Вып. 2. С.3-15.

Коллективные монографии (автор разделов, научный редактор).

13. Россия и Восток / Под ред. С.М.Иванова и Б.Н.Мельниченко. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2000. – 456 с. (Раздел: Россия и Китай. С.217-290).
14. История России: Россия и Восток. СПб.: Лексикон, 2002. – 736 с. (Раздел: Россия и Китай. С.502-574).
15. Введение в востоковедение. Общий курс / Под ред. Е.И.Зеленева и В.Б.Касевича. СПб.: КАРО, 2011. – 584 с. (Разделы: Страны Азии и

Африки в мировой истории. С.136-149; Восточная Азия. С.391-406; Страны Азии и Африки в истории и теории международных отношений. С.492-501; Основные этапы истории отечественного востоковедения. С.528-553).

16. Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. / Отв. ред.: Н.Н.Дьяков, Н.А.Самойлов. СПб.: Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. – 392 с. (Разделы: Введение. Россия и Восток: Феноменология взаимодействия и идентификации в историко-географическом континууме (*совместно с Н.Н.Дьяковым*). С.4-10; Россия и Китай: этапы взаимодействия и взаимоиентификации. С.245-295).

***Статьи и другие публикации в научных изданиях и в сборниках
материалов научных конференций***

17. Самойлов Н.А. Сун Цзяожэнь и Ху Ханьминь о русской революции 1905-1907 гг. // 15-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. М., 1984. Т.3. С.44-48.
18. Самойлов Н.А. К вопросу о влиянии русской революции 1905-1907 гг. на общественную мысль Китая // 3-я всесоюзная школа молодых востоковедов (Звенигород, октябрь 1984 г.). Тезисы. Т.3. Идеология. Политика. Международные отношения. М., 1984. С.153-155.
19. Самойлов Н.А. Публицистика академика В.П.Васильева и некоторые вопросы общественно-политического развития Китая второй половины XIX в. // историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып.11. Л., 1988. С.172-190.
20. Самойлов Н.А. Борьба тенденций в общественно-политической мысли Китая периода политики «самоусиления» // Всемирная история и Восток. М., 1989. С.115-124.
21. Самойлов Н.А. Го Сунтао (1818-1891) – провозвестник реформ в Китае: ранняя служебная деятельность и поездка в Европу // 22-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Т.2. М., 1991. С.56-60.
22. Samoylov N. The 275th Anniversary of the Russian Ecclesiastical Mission in Peking (Beijing) // East and West. Vol.42, No1 (March 1992). P.161-163.
23. Самойлов Н.А. Русские военные деятели о взаимоотношениях России и Китая на рубеже XIX-XX вв. // 24-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Т.2. М., 1993. С.96-98.
24. Самойлов Н.А. Пекинская Духовная Миссия во второй половине XIX века // Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993. С.47-54.
25. Самойлов Н.А. Чжан Чжидун и его планы преобразований в оценках русских китаеведов конца XIX – нач. XX вв. // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е.Скачкова. М., 1993. С.274-283.

26. Самойлов Н.А. Конфуцианство и проблема модернизации Китая в конце XIX – начале XX вв.: к вопросу о некоторых идеях Чжан Чжидуна // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов IV научной конференции (Москва, 6-8 октября 1993 г.). Т.2. М., 1993. С.12-14.
27. Самойлов Н.А. Россия и Китай в геополитической и военно-стратегической концепции генерала А.Н.Куропаткина // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов IV научной конференции (Москва, 6-8 октября 1993 г.). Т.2. М., 1993. С.158-163.
28. Самойлов Н.А. Место и роль работ С.М.Георгиевского в формировании образа Китая в России в 80-х годах XIX в. // Филология и история стран Азии и Африки. Тезисы научной конференции, посвященной 50-летию воссоздания Восточного факультета СПбГУ. СПб., 1994. С.62-65.
29. Самойлов Н.А. Чжан Чжидун и Россия // Китайская традиционная культура и проблемы модернизации. Тезисы докладов V международной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 12-14 октября 1994 г.). Т.1. М., 1994. С.172-175.
30. Самойлов Н.А. Китай реальный и вымышленный в трудах русских философов второй половины XIX – начала XX вв. // Теоретическая конференция «Философия религии и религиозная философия: Россия. Запад. Восток». Тезисы докладов. СПб., 1995. С.200-201.
31. Самойлов Н.А. Китайские источники XIX в. о России: К вопросу о формировании государственных и этнических стереотипов // Кюнеровские чтения 1993-1994 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 1995. С.62-64.
32. Самойлов Н.А. О некоторых особенностях восприятия России в Китае 2-й половины XIX в. // Китай и Россия в Восточной Азии и АТР в XXI веке. Тезисы докладов VI Международной научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». (Москва, 11-13 октября 1995 г.). Т.2. М., 1995. С.101-103.
33. Самойлов Н.А. Востоковедно-исторические исследования и новые возможности междисциплинарного подхода (На примере изучения взаимного образа России и Китая второй половины XIX – начала XX вв.) // Гуманитарий. Ежегодник №1. СПб., 1995. С.176-186.
34. Самойлов Н.А. Сведения о России в сочинениях Ли Шучана // 27-я научная конференция “Общество и государство в Китае”. М., 1996. С.41-44.
35. Самойлов Н.А. Россия и Китай 2-й половины XIX - начала XX в.: опыт реконструкции перцептивных моделей // Проблемы и потенциал устойчивого развития Китая и России в XXI в. Тезисы докладов УП научной конференции «Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы». (Москва, 25-27 сентября 1996 г.). Т.2. М., 1996. С.117-120.

36. Самойлов Н.А. Новое время - новые этнические и государственные стереотипы (на примере эволюции образа России в Китае) // Первые петербургские кареевские чтения по новистике. 17-21 апреля 1995 г. Краткое содержание докладов. СПб., 1996. С.126-129.
37. Samoylov N. Russian perceptions of Chinese society in the 2nd half of the 19th century - beginning of the 20th century // China and the Outer World. Book of Abstracts. The 11th EACS Conference. Barcelona, 4-7 September 1996. P.94-95.
38. Самойлов Н.А. Страны Дальнего Востока в восприятии русского миссионера (По дневникам и статьям архимандрита Сергия (Страгородского) - впоследствии Святейшего Патриарха Московского и всея Руси) // Православие на Дальнем Востоке. Вып. 2. Памяти святителя Николая, апостола Японии. 1836-1912. СПб., 1996. С.79-98.
39. Самойлов Н.А. Н.Ф.Федоров versus В.С.Соловьев: образ Китая в русской философии конца XIX века //Человек-Философия-Гуманизм: Тезисы докладов и выступлений Первого Российского философского конгресса (4-7 июня 1997 г.). В 7 томах. Т.2. Философская мысль в России: традиции и современность. СПб., 1997. С.194-197.
40. Самойлов Н.А. Образ России в китайской периодике начала XX века // XIX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. 8-10 апреля 1997 года. Тезисы докладов. СПб., 1997. С.126-128.
41. Samoylov N. Mutual Images of Russia and China at the Turn of the 20th Century and Their Influence on Sino-Russian Relations // Oriental Studies in the 20th Century: Achievements and Prospects. Abstract of the papers of CIS scholars for the 35th ICANAS (Budapest, Jul. 7-12, 1997). Vol. 2. M., 1997. P.319-321.
- 42.Самойлов Н.А. Россия и Китай в геополитической концепции генерала Д.И.Суботича // Перспективы сотрудничества Китая, России и других стран Северо-Восточной Азии в конце XX - начале XXI века. Тезисы докладов УШ Международной научной конференции “Китай. Китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы”. (Москва, 7-9 октября 1997 г.). Т.2. М., 1997. С.187-191.
43. Самойлов Н.А. О восприятии корейской и китайской иммиграции в России на рубеже XIX и XX вв. // “100 лет петербургскому корееведению”. Материалы международной конференции, посвященной столетию корееведения в Санкт-Петербургском университете. 14-16 октября 1997 года. СПб., 1997. С.85-87.
44. Самойлов Н.А. Выстрелы Ан Чун Гына в Харбине: взгляд из России // Вестник Центра корейского языка и культуры. Вып.2. СПб., 1997. С.236-243.
45. Самойлов Н.А. О визите Дуань Фана и Дай Хунцы в Россию в 1906 году // 28-я научная конференция “Общество и государство в Китае”. Тезисы и доклады. Т.2. М., 1998. С.250-257.

46. Самойлов Н.А. Черты национального характера китайцев в оценке русских синологов конца XIX – начала XX в. // Кюнеровские чтения 1995-1997 гг. СПб., 1998. С.10-12.
47. Самойлов Н.А. О некоторых аспектах становления взаимовосприятия России и Китая (вторая половина XIX - начало XX в.) // Кюнеровские чтения 1995-1997 гг. СПб., 1998. С.12-14.
48. Самойлов Н.А. Изучение истории Российских Духовных Миссий в странах Дальнего Востока: основные итоги и перспективы // Первые научные чтения «Университетская наука и исследования христианства». СПб., 1999. С.18-20.
49. Самойлов Н.А. Китай, Япония и Вьетнам конца XIX века глазами русских казаков // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. СПб., 1999. С.171-173.
50. Самойлов Н.А. С.Ю.Витте и Китай // С.Ю.Витте – выдающийся государственный деятель России. Тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 150-летию со дня рождения С.Ю.Витте. С.-Петербург, 22-23 июня 1999 г. СПб., 1999. С.103-105.
51. Самойлов Н.А. Россия и Китай: амбивалентность взаимовосприятия (история и современность) // Китай на пути модернизации и реформ. Тезисы докладов X Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22-24 сентября 1999 г.). Т.2. М., 1999. С.10-13.
52. Самойлов Н.А. Россия и Китай на пороге XXI века: уроки истории и перспективы взаимодействия // Материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования Китайской Народной Республики. 27-28 октября 1999 г. СПб., 1999. С.80-82.
53. Samoylov N. The Image of China in 20th century Russian Political Disputes // XIII E.A.C.S. Conference “The Spirit of the Metropolis”. Torino. Aug. 30th – Sept. 2nd, 2000. Turin, 2000. P.49.
54. Самойлов Н.А. Роль Пекинской Духовной Миссии в развитии духовных и культурных связей народов России и Китая // Международная научная конференция «Восточная Азия – Санкт-Петербург – Европа: межцивилизационные контакты и перспективы экономического сотрудничества». СПб., 2000. С.297-299.
55. Самойлов Н.А. Образ Китая в России: историография вопроса и методология изучения // XX научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки. 6-7 апреля 1999 г. Тезисы докладов. СПб., 2000. С. 139-143.
56. Самойлов Н.А. Китай в геополитических построениях российских авторов конца XIX –начала XX вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2001. Т.2. С.452-457.
57. Самойлов Н.А. Шэньбидэбао дасюэ дэ ханьсюэ яньцзю: чуаньтун юй сяндай дэ фанфа (Китаеведение в Санкт-Петербургском университете: традиции и современные подходы) // International Symposium on Chinese

- Studies in the 21st Century (2001.9.6-9). Beijing, 2001. P. 58-62. [на китайском языке].
58. Самойлов Н.А. Российско-китайские договоры 1858 г. и деятельность Амурской Духовной Миссии // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 3. СПб., 2001. С.45-56.
59. Samoylov N. Li Hongzhang and Zhang Zhidong as seen by the Russians // Chinese Traditional Civilization and the Contemporary World. XIV EACS Conference. 26-28 August, 2002. M., 2002. С. 71.
60. Samoylov N. Rosiajin senkyooshi kara mita higashi Ajia shokoku (Страны Дальнего Востока в восприятии русского миссионера) // “Kan Nihon kai kenkyu nempo”. № 10. 2003. С.25-39. [на японском языке].
61. Самойлов Н.А. Реформы 1898 г. в свете исторической компаративистики (К 100-летию «100 дней реформ») // V научная сессия по историографии и источниковедению истории Китая: 7-9 апреля 1998 года: Краткое содержание докладов. Под ред. Н.А.Самойлова. СПб., 2003. С.68-73.
62. Самойлов Н.А. Период 1881-1901 гг. в истории российско-китайских отношений: подходы к новому этапу изучения // Китай: шансы и вызовы глобализации: Тезисы докладов XIV Международной научной конференции «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 23-25 сентября 2003 г.) Т.2. М., 2003. С.128-132.
63. Самойлов Н.А. Пекинская Духовная Миссия и диалог культур России и Китая // Православие на Дальнем Востоке. Выпуск 4. СПб., 2004. С.32-40.
64. Самойлов Н.А. Российские планы организации управления Ляодунским полуостровом на рубеже XIX и XX вв. // Международный конгресс востоковедов – ICANAS-XXXVII. Тезисы. Т.1. М., 2004. С.239-240.
65. Самойлов Н.А. Изучение социокультурного взаимодействия России и Китая: традиционные парадигмы и вызовы XXI века // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России, Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. 4-6 апреля 2006: Тезисы докладов. СПб., 2006. С.67-69.
66. Самойлов Н.А. К вопросу о теоретических основах изучения социокультурного взаимодействия // Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. Актуальные проблемы и перспективы. Международная научная конференция. СПб., 4-6 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. СПб., 2007. С.116-128.
67. Самойлов Н.А. Антропологизация историографии, междисциплинарный синтез и перспективы востоковедных исследований // XXIV международная научная конференция «Источниковедение и историография стран Азии и Африки». 10-12 апреля 2007. Тезисы докладов. СПб., 2007. С.141-142.
68. Самойлов Н.А. Архивные материалы о первых китайских студентах в Санкт-Петербурге // «Востоковедение и африканистика в диалоге цивилизаций»: XXV международная конференция по источниковедению и

историографии стран Азии и Африки, 22-24 апреля 2009 г. Тезисы докладов. СПб., 2009. С.229-230.

69. Samoylov N. Main Stages & Characteristic Features of Sino-Russian Socio-cultural Interaction in the 18th – early 20th Centuries // St. Petersburg Annual of Asian and African Studies. Vol. 1. 2012. P. 55-61.
70. Samoylov N. Maimaicheng and Kyakhta in the 18th century: the focal point of Sino-Russian socio-cultural interaction // The EACS XIXth Conference. Paris, 5-8 September 2012. Abstracts. P. 139-140.